

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут
Все оттенки желаний
Привилегия женщин
Никого не жаль
Игра в кубики

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит
Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел
Не верь, не бойся, отпусти
Соблазны Снежной королевы
Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха
Дочь мафии
Жена самурая
Последнее японское предупреждение
Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне
Нежная стерва, или Исход великой любви
Первая леди города, или Между двух берегов
Госпожа страсти, или В аду развод не принят
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце
Королева мести, или Уйти навсегда
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие
Визит с того света, или Деньги решают не все
Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров
Охота на мстителя, или Дамы убирают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии
Марго, или Люблю-ненавижу
Алекс, или Девушки любят негодяев
Дар великой любви, или Я не умею прощать
Финальный танец, или Позови меня с собой

Сериал «Сердце следователя»

Тайны взрослых девочек
Требуется влюбленное сердце
Время злых чудес

Сериал «Клиника»

Силиконовая надежда
Пластика души
Хирургия мести
Реанимация судьбы

Сериал «Переменная облачность. И о любви»

Ее внутреннее эхо

То, что видят глаза, не имеет значения,
то, что видит сердце, — не знает условностей.

АНХЕЛЬ ДЕ КУАТЬЕ. СХИМНИК

— *Не знаю, что ты будешь делать, какими методами — мне наплевать. Но хоть землю жри, а найди мне эту девку.*

Хозяин кабинета мерил его шагами взад-вперед и то и дело вытирал покрасневшую лысину большим клетчатым платком.

В кабинете было прохладно, даже зябко, кондиционер работал на полную мощность, но явно не летняя погода была причиной повышенной потливости толстяка в сером костюме и белой рубашке.

Полосатый галстук валялся на столе среди бумаг, буквально сорванный с бычьей шеи владельца пару минут назад.

— Ты пойми, если она что-то знает — а она не может не знать, я в этом уверен, — то нам всем скоро придется давать показания в сером доме. И не думай, что тебе удастся увильнуть, нет! Все сядем, все, как один, я тебе обещаю! Я на себя брать лишнего не стану, имей в виду и остальным скажи. Вы заинтересованы в том, чтобы найти эту девку, ровно так же, как и я, так и запомни!

— Сперва успокойтесь. Я не думаю, что она представляет какую-то реальную угрозу, — негромко проговорил сидевший за длинным столом молодой мужчина со светлыми волосами. — Но ради вашего спокойствия я, конечно, постараюсь выяснить все, что ей известно.

— Вот и постарайся! — с угрозой в голосе произнес толстяк, останавливаясь напротив него.

Молодой мужчина поднялся, аккуратно задвинул стул и внушительно сказал:

— Не стоит раньше времени панику поднимать. Только лишнее внимание привлечем, а это никому не нужно. Будем действовать тихо.

— Главное, действуй быстро, стратег, как бы поздно не стало.

Аделина

Оказывается, очень странное это ощущение — не хотеть идти на работу. Мне прежде никогда не доводилось испытывать подобного.

Наверное, все дело в том, что раньше работа была смыслом моей жизни и вообще единственным, что в этой самой жизни у меня было. А теперь у меня появился муж..

Да, и новое слово в лексиконе — муж.

Матвей Мажаров, будущий преподаватель медицинской академии, а в прошлом — отличный хирург-пластик.

Так случилось, что оперировать самостоятельно Матвей больше не может, но это вовсе не помешало ему преподавать хирургию будущим врачам. И вот именно из-за Матвея я теперь порой совершенно не хочу выбираться из постели и ехать в свою клинику, особенно в те дни, когда Матвей там не консультирует.

У меня началась какая-то новая, прежде совершенно неизвестная мне жизнь — жизнь замужней женщины.

Не скажу, что все давалось легко, вовсе нет. Адаптировавшись за столько лет к одиночеству и полной свободе, я с большим трудом привыкала к тому, что теперь не могу решать что-то сама, зато могу рассчитывать на совет и помощь Матвея, но для этого ему нужно говорить о проблеме и прислушиваться к тому, что он говорит.

Эта наука давалась мне с большим трудом, но и Матвею было нелегко — у него тоже был не такой уж большой опыт совместной жизни с кем-то. У меня же его не было вовсе. И мы притирались друг к другу, интуитивно нащупывая правильные ходы.

Даже совета спросить мне было не у кого — мама давно умерла, а единственная подруга Оксана сама теперь в разводе.

Как ни кощунственно звучит, но преодолеть все сложности нам помогла реабилитация Матвея после тяжелого ранения в грудь.

Я возила его на процедуры, все время была рядом и даже дома заставляла делать упражнения до тех пор, пока Матвей не падал без сил.

— А как ты хотел? Ты хирург, тебе руки нужны, выносливость, чтобы у стола стоять по нескольку часов, — уговаривала я, лежа рядом с ним на полу и глядя на то, как вздымается от тяжелого дыхания его грудная клетка.

— Мне кажется, Деля, я уже никогда не встану за операционный стол, — сказал однажды Матвей, закрыв глаза. — Одышка, рука дрожит...

Это меня так испугало, что я долго не могла вымолвить ни слова. Я уже проходила такое в жизни — давно, еще в молодости, и тоже с хирургом после огнестрельного ранения.

Нет, я не позволю Матвею сдаться.

И я не позволила. Мы сделали все, что только было возможно, однако Мажаров сам принял решение не возвращаться к операциям.

— Не могу я постоянно бояться за чужую жизнь, — сказал он мне как-то за ужином. — Ты только представь, какой урон я нанесу репутации твоей клиники, если из-за своего состояния причиню вред пациенту? Перехвачу лицевой нерв, например, и все — жизнь искалечена. Нет, Деля, я на это права не имею.

— Останешься лечащим врачом, — отозвалась я, не в состоянии даже представить, что его не будет в моей клинике.

— Нет, Деля, не останусь, — тихо, но твердо сказал Матвей. — Консультантом, если нужен, буду приезжать, но в штат возьми нового хирурга.

— Матвей...

— Что?

— Но... как же ты? Что ты будешь делать?

— Мне предложили должность на кафедре хирургии.

— И ты молчал? — укоризненно покачала я головой.

— Не молчал, вот говорю. Но прежде... — он поднялся и вышел из кухни, а спустя пару минут вернулся с небольшой красной коробочкой: — Ты согласишься выйти за меня замуж?

Я закрыла руками лицо и тихо заплакала. Это было неожиданно, мы не обсуждали с ним возможность такого шага, мы просто жили вместе, и вдруг Матвей делает мне предложение.

— И как же мне расценивать твои слезы? — убирая мои руки от лица, спросил Матвей, чуть улыбаясь. — Надеюсь, как слезы радости?

— Конечно, — прошептала я, слизывая слезы с губ.

— Тогда подставляй пальчик.

Кольцо было прекрасным — не особенно вычурным, даже строгим, но мне оно показалось самым лучшим украшением из всех возможных.

— Ты даже с размером угадал...

— Ну, я ведь знаю твой размер хирургических перчаток, — рассмеялся новоиспеченный жених. — Ты какую свадьбу хочешь?

— Никакой не хочу, — я обняла его за шею и поцеловала. — Давай просто распишемся и поедem куда-нибудь на недельку? Туда, где нет телефонов, будильников и операционных дней?

— Богатая идея, — одобрил Матвей.

Мы скромно расписались в ЗАГСе, отметили это дело в ресторане с матерью Матвея, моим братом Николаем, Оксаной и старым приятелем Матвея Валентином Мамонтовым, благодаря которому, собственно, вообще когда-то состоялась наша встреча, и на завтра улетели на Сейшельские острова.

Поселились там в небольшом отеле с отдельными бунгало и целую неделю только и делали, что купались, пили местные напитки и предавались любви под ночной шум волн. Более идеальное бракосочетание придумать было сложно.

— Вы, Аделина Эдуардовна, поразительно меняетесь, когда на вас нет белого халата, — шутил Матвей, растянувшись рядом со мной в шезлонге. — Со стороны и не подумаешь, что на самом деле вы — обладательница железного характера, твердой воли и уверенной руки.

— Очень смешно, — я переворачивалась на бок и смотрела в лицо своего мужа, стараясь запомнить каждую черту, каждую мимическую морщинку у глаз.

Мне казалось, что до появления в моей жизни Матвея я вообще ничего не видела, не чувствовала и не понимала.

Я и его-то не сразу подпустила близко, потому что привыкла не доверять мужчинам, не рассчитывать на них и вообще держаться подальше. Но когда увидела его почти бездыханным на пороге своего кабинета, с огнестрельным ранением в грудь, вдруг поняла — если его со мной не будет, то моя жизнь закончится.

Это открытие поразило — мне казалось, что такое чувство, как любовь, я больше никогда не испытаю после пережитого предательства, что мой первый мужчина убил во мне все живое, и изнутри я давно сгорела.

Но, оказывается, Мажарову удалось найти на этом пепелище что-то теплящееся и заставить меня вновь почувствовать что-то. И за это я буду благодарна своему мужу до конца моих дней.

— Не хочется улетать, правда? — спросил Матвей в последний день нашего отпуска. — Так хорошо тут, беззаботно. Нет, я понимаю, конечно, что жизнь без забот тебя не устроит, но я очень рад, что смог тебя уговорить хоть на недельку.

— Ты? Меня? Уговорить? — изумилась я. — Мне казалось, что идея принадлежала мне.

— Да какая, в принципе, разница? Главное, что ты за всю эту неделю ни разу не вынула из чемодана телефон, — захохотал супруг. — Это ж кому рассказать! Интересно, как там без твоего неусыпного контроля в клинике дела-то идут?

— Ой, перестань! Все там нормально. Васильков замещает, у него всегда все по полочкам. Ну, кроме бумаг, конечно.

— Но тебе по-прежнему нужен еще один хирург, дорогая моя, — Матвей снова лег на спину, подставив солнцу грудь с заметным шрамом. — Когда планируешь этим заняться?

— Точно не сегодня. И даже не завтра. У меня отпуск и медовый месяц.

— Ты растешь на глазах, — одобрил он. — Тогда идем плавать, пока у нас на это еще есть время.

Вернувшись домой, я приняла решение еще недельку провести дома — впервые в жизни меня совершенно не тянуло на работу, и я, слегка удивленная новым ощущением, посчитала нужным воспользоваться этим и продлить отпуск.

Матвей только с улыбкой покачал головой, но я видела, что остался доволен этим решением. Он тоже не спешил на новое место работы, но у него было еще около месяца в запасе.

— Чем займемся? — спросил Матвей в первое утро после возвращения.

Я довольно плохо адаптировалась к разнице во времени, а потому планировала провести хотя бы половину дня в постели, но у мужа, похоже, были планы.

Он бодро встал, долго шумел водой в душе, потом готовил завтрак и, когда из кухни потянуло свежим кофе и поджаренным хлебом, вернулся ко мне:

— Хватит валяться, идем завтракать.

— Что-то тебя женитьба испортила, — пробормотала я, накрываясь с головой простыней. — Ты стал подозрительно активен по утрам.

— Вставай-вставай, — Матвей решительно сдернул простыню и крепко ухватил меня за лодыжку: — Деля, ну в самом деле, остывает же.

— Ты планируешь всю неделю практиковать такое? — поинтересовалась я, садясь и пытаясь натянуть

шелковый халат. — Потому что если это так, я завтра же на работу выйду, там спокойнее.

Матвей захохотал и вдруг подхватил меня на руки, чем изрядно испугал — не надо бы ему пока таких нагрузок.

Я непроизвольно положила руку ему на область сердца, и Матвей, поняв, в чем дело, покачал головой:

— Ну прекрати. Ничего со мной не случится, я уже давно здоров.

Я уткнулась лбом ему в плечо и пробормотала:

— Я не хочу тебя потерять.

— С ума сошла! Куда я денусь? И хватит тут панихиду разводить, идем все-таки завтракать.

Но тихий семейный завтрак был омрачен телефонным звонком на мой мобильный. Это оказался доктор Васильков, который замещал меня в клинике.

— Я, Аделина Эдуардовна, крайне раздосадован необходимостью тревожить вас, — витиевато начал он, и я насторожилась:

— Что-то случилось?

— Ничего серьезного. Но вы срочно нужны.

Я не стала выяснять причину, сбросила звонок и пошла одеваться.

Анастасия

Люблю я старый советский кинематограф. Современный не люблю, а вот тот, что был в моем детстве, просто обожаю.

Цитатами из тех фильмов могу общаться с подругой и не повториться, не потерять мысль, не отойти от темы, и нам обеим все будет понятно. Просто Стася такая же, как я.

И вот, пользуясь этой своей привычкой, могу ответственно заявить, что фраза: «Ходишь, понимаешь, ходишь в школу, и вдруг — бац!» — как нельзя лучше отражает то, что случилось со мной ранним утром пятнадцатого июня.

Эту дату теперь я не забуду никогда, отмечу во всех календарях красным и обязуюсь покупать в этот день бутылку вина, хотя в принципе не пью. Но повод есть...

Как все люди, которым по утрам некуда торопиться, едва открыв глаза, я беру телефон и проверяю почту и сообщения в разных соцсетях.

Вот и это утро ничем не отличалось от всех прежних — нашарив на тумбочке у кровати свой смартфон, я привычно защелкала пальцами по экрану.

Ничего важного в моей почте быть не могло — я давно не работаю, друзей, кроме Стаси, у меня нет, и вся почта, что может оказаться в моем ящике, это сообщения из интернет-магазинов или короткие записки от мамы, больше похожие на приказы или отповеди — в зависимости от настроения родительницы.

Сегодня же я ждала оповещение от службы доставки, должна была прийти посылка из зарубежного магазина. И такое письмо было, но его содержимое меня сперва удивило, потом насторожило, а после и вовсе повергло в ступорозное состояние.

«Сообщаем вам, что таможенное оформление вашего заказа не может быть завершено. Основание — истек срок действия паспорта».

Я перечитала эти два предложения раз двадцать, но так и не могла понять, что случилось. Как может внезапно истечь срок действия паспорта, это ведь не стакан йогурта?

Бросив взгляд на часы, я принялась расталкивать спящего рядом мужа:

— Захар, проснись! Проснись, это важно!

Захар что-то недовольно пробормотал и сунул голову под подушку — ранние подъемы в нашей семье в чести не были, мы привыкли поздно ложиться и так же поздно вставать.

Стася, бывая у нас, всегда шутила:

«А что от вас хотеть в пятнадцать часов утра?»

Но что поделаешь — Захар человек творческий, писатель, радиоведущий, а с недавних пор еще и политический деятель, вся работа у него в основном вечером, и книги он пишет исключительно по ночам, и планы передач составляет.

Ну, и я с ним за компанию тоже допоздна не сплю.

— Захар! Ну, Захар же! — я изо всех сил трясла мужа за плечи, пытаюсь заставить его проснуться, но тщетно.

Накануне он выпил за ужином почти бутылку вина и теперь, конечно, никак не хотел расставаться с подушкой.

— Лавров, немедленно проснись, иначе я... я... — задохнувшись от злости, я стукнула ладонью по выглядывавшему из-под одеяла плечу мужа, и тот взвыл:

— Настя! Ну, ты с ума сошла, что ли? Больно ведь!

Захар сел, потирая ушибленное плечо, и заморгал, пытаясь проснуться.

Вид спросонья у него всегда был очень потешный, и в другое время я бы засмеялась и чмокнула мужа в небритую помятую щеку со следами от подушки, но сегодня мне было не до нежностей:

— Захар, вот скажи — в каком случае может истечь срок действия паспорта?

— Погоди... — Захар зевнул, протер глаза и совершенно трезвым голосом сказал: — Если исполнилось двадцать или сорок пять лет.

— Отпадает. А еще?

— Если вышла замуж или развелась со сменой фамилии.

— И все?

— Кажется, все. А что за вопрос и почему он не мог подождать еще пару часиков?

— И это тоже не подходит, — пробормотала я, проигнорировав вопрос мужа. — Разве что я впала в кому, вышла попутно замуж и снова развелась, сменив фамилию.

— Настя, в чем дело, наконец? Ты будишь меня в такую рань в день эфира, задаешь какие-то странные вопросы... что случилось?

Ах, черт, как я забыла про эфир... Сегодня... это ведь сегодня, пятница же.

Захар вел историческую программу на одной из популярных радиостанций, выходил в эфир дважды в неделю и относился к этому очень серьезно.

Ну разумеется, ему просто необходимо было высыпаться в день эфира, так как говорить по бумажке Захар не умел, а план составлял только для того, чтобы иметь возможность не путать даты.

— Так ты объяснишь мне или нет? — проявил удивительную настойчивость мой муж, и я вкратце рассказала ему о полученном письме.

Захар пожал плечами и проговорил:

— А не мог это быть какой-нибудь сбой?

— Не знаю, вероятно, мог бы. Но как узнать? И что делать, к кому обращаться? Там в посылке были кое-какие препараты для мамы, она оплачена уже, вернуть деньги будет очень сложно.

— Ну, попробуй в службу доставки позвонить... Не знаю, что еще можно сделать.

Собственно, и этот совет от Захара был уже чем-то сверхъестественным — мой муж совершенно бесполезен в этом плане.

Творческая личность, что с него взять...

В службу доставки я позвонила, но там со мной отказались разговаривать, мотивируя это тем, что проблемы возникли не у них, а у таможенников, потому никакой информации, кроме той, что изложена в письме, дать не могут.

Положив трубку, я слегка запаниковала.

Самым основным в посылке были препараты для мамы, и, если я не смогу их забрать, будет грандиозный скандал.

Моя мама женщина энергичная, хотя и не очень здоровая, а устраивать скандалы — ее хобби. Она считает

мой образ жизни недопустимым, уверена, что в отсутствии работы я виновата только сама, и объяснять ей про кризис в той области, где я когда-то работала, нет никакого смысла — она ни за что не поверит.

В свое время я из заместителя главного редактора глянцевого журнала превратилась сперва в руководителя пресс-службы мэрии, а потом и вовсе ушла на «вольные хлеба», став имиджмейкером.

Несколько лет все было отлично, а потом грянул кризис, и работа моя приказала долго жить.

Бывшие коллеги, коих единицы, между прочим, все работают, где придется — кто молоком торгует, кто овощами. Никому не нужны имиджмейкеры, вот и перебиваются чем могут.

Не повезло только мне — работу я больше так и не нашла, причем никакую, хорошо еще, что Захар зарабатывает достаточно, чтобы я не чувствовала себя никчемной.

Взамен муж, кстати, ничего не требует, даже того, чтобы я трижды в день готовила разные блюда, раз уж сижу дома, — готовит он с удовольствием сам, когда выпадает свободная минутка, а в остальное время ест то, что я поставлю перед ним на стол.

Захар неприхотлив, ему вообще мало что нужно — лишь бы я была рядом.

«Мне кажется, если однажды ты исчезнешь, Лавров ляжет на диван и умрет», — сказала однажды Стася, Впрочем, безо всякого сарказма или издевки — Захара она любит, относится к нему как к родному, что, кстати, у них взаимно.

Когда Стася прилетает из своей Сибири к нам, в доме появляется человек, заменяющий меня по вечерам в застольных монологах моего мужа.

Захар очень любит поговорить, и ему обязательно нужен слушатель, который может ничего не говорить, главное — чтобы заинтересованно внимал, а Стася, ко всему, может еще и поддержать его разговоры, за что, собственно, Захар испытывает к ней дополнительные эмоции.

Они могут засидеться до самого утра под бутылочку вина и сигареты, и Захар будет вещать, а Стася слушать, забравшись с ногами на стул и подперев кулаком щеку.

Станислава — журналист, работает в одном сибирском издании, пишет на криминальные темы и раз в два-три месяца бывает в нашем городе, где сотрудничает с одним телеканалом.

Но что же мне теперь делать с посылкой?

Впереди выходные, и все государственные учреждения не работают, а значит, этот вопрос придется отложить до понедельника.

Обидно — могла бы сегодня уже отвезти все маме и обрести покой на все выходные. А теперь придется минимум трижды в день выслушать, какая я плохая дочь и как ничем не могу помочь своей матери.

Ну да ладно — переживу, не впервой.

— Настя! — раздался из кухни голос мужа. — Ты мой блокнот не видела?

— Какой? Синий? Он в твоём кабинете у компьютера.

«Кабинетом» в нашей двухкомнатной квартире гордо именовался угол, огороженный столом и креслом, где Захар работал. Он проводил там большую часть того времени, что бывал дома и не спал — писал книгу, готовил материалы для радиопередач, вел блог в интернете.

Там же на столе высились кипы блокнотов, книг, журналов и газет, и все это на первый взгляд было просто хаотично набросано, но нет — у Захара была своя логика в раскладке, и я никогда не прикасалась к его столу.

Это, пожалуй, единственное место в квартире, к которому я не прикладываю рук во время уборки, потому что потом муж не может найти какую-то книгу, лежавшую именно так, чтобы он мог взяться за нее мгновенно и не отрывая взгляда от монитора.

А синий блокнот всегда лежит справа от клавиатуры.

Захар его берет с собой на радио, а потом снова возвращает на то же самое место.

— Нашел, — муж вошел в спальню с блокнотом в руках. — Сделал вчера в метро пару набросков для книги, хочу перечитать.

— Ты не будешь бриться? — оценив трехдневную щетину на лице мужа, старившую и категорически не шедшую ему, спросила я.

— Не хочу, — буркнул Захар, присев на край кровати и уткнувшись в свои записи.

Этим своим «не хочу» он напоминал упрямого ребенка — если уж заявил, что не будет чего-то делать, то